

ШЕСТОЙ

Янак Лев

Янак Лев

Шестой

<https://litres.ru/74334257>

SelfPub; 2026

Аннотация

Шестеро друзей, только поступивших на службу в дружину, дали клятву: исполнить последние желания тех, кто погибнет из их шестёрки. Это была шутка, пьяный уговор. Но когда первый из них пал, шутка стала священным долгом.

Теперь Мордвинг — последний, кто остался в живых. На его руках пять списков мертвецов. Долг перед погибшими друзьями.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Янак Лев

Шестой

Глава 1

Глава 1: Бремя.

Солнце. На редкость тёплый денёк для конца осени. Небо ясное, последние птицы улетають на юг. Мор с похмелья несёт голое тело друга к могиле.

Курьем был дружинником, как и Мор. Никогда не выпускал папиросу изо рта. Любил то же, что и все: хорошо выпить, поесть. «Я этого человека знаю с детства, а сказать мне нечего», — думал Мор, укладывая друга в могилу.

Через мгновение сверху накинута ещё одно тело, затем ещё и ещё. Мор стоял молча — наяву и в мыслях, — глядя, как тело Курьема скрывается за грудой других тел.

Сзади подошёл Хроп и окликнул Мора. Плешивый блондинчик в потрёпанной кольчужной рубахе и со щитом в левой руке. На щите — герб восьмого полка: подстреленный чёрный кабан.

— Слушай... — на мгновение запнулся он, заглянув в яму. — Давай отойдём. Чего на трупы пялиться? Этого добра у нас и так навалом.

Мор исподлобья глянул ему в глаза — да так холодно, что

наивная улыбка Хропа медленно сползла с лица.

— Есть закурить? — спросил Мор.

Хроп молча достал самокрутку из-за уха, протянул Мору. Тот закурил.

— Ну, давай отойдём, — через пару затяжек выдавил Мор.

Немного расслабившись, Хроп продолжил:

— Дело, вот оно какое... Я видал, ты вещи Курьема взял. И ботиночки его, что мне по размеру, а тебе велики.

— Да взял, — скупно ответил Мор.

— Ну так вот, дело понятное, вещь друга, но посуди, зачем тебе ботинки, что не в пору? Может, я бы их взял, мои совсем прохудились, жалко, что без дела простаивать будут.

Мор остановился. Кинул окурок в Хропа.

Он не понимал, как вышло, что единственная волнующая вещь, после смерти товарищей, — ботинки.

— Забирай, — глухо ответил Мор, пристально глядя ему в глаза.

Хроп ничего не сказал. Махнул рукой. Ушел.

Лагерь гудел своей жизнью: где-то бренчали котлы, ржала лошадь, двое солдат вяло переругивались из-за размера пайка. Мор осмотрелся, не желая ни с кем говорить, вернулся в свою палатку. Вернее, в их общую — ту, что недавно делил с Курьемом. Теперь она казалась неоправданно просторной, почти пустой. У спального мешка лежали аккуратно сложенные вещи Курьема.

Сапоги. Меч с выщербленным лезвием — Курьем никогда не был бережен с оружием. Щит с гербом восьмого полка, которому кто-то — Мор помнил, что это Дран — пририсовал самокрутку в пасти кабана. Небольшой мешок табака. Кольчуга. Окровавленная, изрезанная одежда.

«Это можно выкинуть», — подумал Мор, берясь за слипшиеся от грязи и крови тряпки.

Из складок что-то выпало.

Три листка бумаги. Дёшевая, уже пожелтевшая по краям бумага. Листки упали веером, один на другой, и на каждом список и имя — подпись.

Курьемур — полное имя Курьема. Драндонбан — Дран и Гендмитров — Ген.

Глядя на них, Мор тяжело выдохнул, сел на свой спальный мешок и, достав из него ещё три таких же списка, — Барибук — Бари, Крарикоб — Рари, и листок со своим именем Мордвинг — Мор. Собрал их в стопку, проговорив себе под нос:

— Да... Не думал, что это бремя выпадет мне.

Он держал бумаги в руке. А когда-то это было пьяным бредом. Он вспомнил тот вечер. Восемь лет назад. Первая неделя в дружине. Их, шестерых юнцов из деревни Ляхва, только что зачислили в восьмой полк — «Кабанью дюжину», дружину князя Громвида Ладина, наместника Рябхрустального.

Их полк в тот день остановился в деревне Кривичи, что

восточней Рябхрустального. Разбили лагерь. Деревенские оказались щедры на медовуху. Шестеро юнцов набились в одну палатку, изрядно охмелевшие, травили байки — воспитанные на былинах о могучих воинах, с мечтами о собственных подвигах, что войдут в историю.

Барибук, коротышка Бари, упитанный, косоглазый парень, предложил:

— Хлопцы, давайте уговор. Если кто погибнет, остальные выполнят его мечту. Ну, или желания. Кто что запишет. Добро?

Все рассмеялись, но согласились. Тогда им казалось, что смерть — это что-то далёкое, где-то там, в старости. Никто не отнёсся к спискам серьёзно, все писали шуточные пожелания.

Барибук написал:

1. Выпить бримиль на острове Бримиль.
2. Разбить нос Рокгвербу — ровеснику из Ляхвы, тот часто задирает Барibuка в детстве.
3. Тотем в деревне в мою честь.
4. Попасть на пир в Сотвар-день в Белуслане.

Через месяц Барибук погиб. Перед смертью, лёжа перед друзьями, достал из нагрудного кармана свой список. Так и умер — сжимая в руке клочок бумаги с пятнами крови, с несбыточными мечтами.

Парни снова посмотрели на список. Для них это была шутка — свои они давно потеряли, не относились всерьёз.

Только Бари был верен договору. Они переглянулись и, ничего не говоря, каждый принялся писать новый. С этого момента шутка стала долгом.

Через год погиб Драндонбан. Ещё через три года — Кра-рикоб. Ещё через два — Гендмитров. День назад — Курь-мур.

После каждой потери оставшиеся переписывали мечты, желания. Первые были шутливыми, мелочными. Последние — полные сожалений, несбыточные.

Теперь все шесть списков лежали в руках у Мордвинга.
— Кажется, пора идти домой, — сказал себе Мор, пряча бумаги в карман шерстяного плаща. Встал, отряхнулся и вышел из палатки, направляясь к шатру воеводы.

Он понимал: так просто его не отпустят. Он давал клятву, присягнув на верность князю, — негласный договор длиною в жизнь. Самовольно уйти или даже заговорить об этом могло караться розгами. Но Мор непоколебим. Пусть розги, пусть каторга — он уйдёт. Он для себя всё решил.

Шатёр воеводы был огромен. Внутри стоял стол, ломившийся от излишеств: молочный поросёнок, утка, вино, рулька, осетрина. Воевода Дронгрот, хоть и был толковым полководцем, слишком тяготел к красивой жизни — таскал с собой убранства: кровать резную, барельефы, тот же непомерно большой стол, ковры, серебряные подсвечники, двадцать стульев из красной древесины. Обозная оснастка его шатра сильно замедляла полк: мало было сгрузить всё это на теле-

ги — нужно, чтобы ни одна вещь не получила царапины в дороге. А если царапина случалась — извозчик, выбранный жеребьёвкой, наказывался тремя ударами розгами, обмотанными крапивой.

Мор зашёл внутрь. Дронгрот сидел на кровати, зажимая двух сельских девиц, изрядно обливая себя и всё вокруг вином из трясущихся рук.

— О, как! Мордвинг! Девочки, поздоровайтесь с моим дружинником. Не бойтесь, он только с виду суров.

Девицы опасливо покосились на гостя. Глубокий шрам поперёк щеки, редкие волосы и тяжёлый взгляд исподлобья делали лицо Мора неприветливым, пугающим.

— Здравствуй, дружинник Мордвинг, — помахали рукой девицы.

— Воевода Дронгрот, у меня дело. Не уделите пару мгновений?

Воевода посмотрел на Мора полузакрытыми глазами, медленно моргая.

— Девочки, я сейчас. Вы это, не развлекайтесь без меня. Шатаясь, подошёл к Морю.

— Слушаю. Что у тебя?

Мор сделал максимально серьёзный вид, на какой был способен, и чётко, без агрессии объявил:

— Я ухожу из дружины.

Дронгрот ещё раз внимательно осмотрел Мора.

— А с какого это ляда? Ноги-руки на месте, да и не сдох

ещё. Ты решил князя предать?

— Я верен государю. Но, несмотря на это, я должен уйти.

Мор действительно считал Громвида Ладина достойным правителем. Испытывал к нему искреннее уважение: во времена неурожая князь лично распорядился выделить зерно родной деревне Мора — Ляхве, спасая её от голода.

Лицо Дронгрота резко переменилось — пьяная придурковатая гримаса сошла. Воевода подошёл к столу, отодвинул стул, налил две кружки вина.

— Садись. Пей.

Мор сел, залпом осушил кружку. Дронгрот сел напротив.

— Дело в вашем договоре? Ты последний?

Дронгрот, несмотря на любовь к изыскам, часто составлял компанию простым дружинникам у костра — попивал медовуху и бримиль, многих знал по именам, давал жизненные советы. Он, несмотря на статус, старался быть на равных с дружиной, но при этом держал дисциплину. За это его уважали и мирились с мирскими слабостями. Он и с Мором и его друзьями выпивал — так и узнал о договоре. Он тогда сказал:

— Завидую вам. У меня таких друзей нет.

Мор немного удивился, что Дронгрот помнил об этом — уже несколько лет прошло с того разговора.

— Да. Я и Курьем последние. Курьем погиб.

Воевода подлил ещё вина, указал на еду. Мор не стал строить из себя благородного — принялся есть.

— Ясно. И розгами тебя не остановить?

— Нет.

Воевода долго молчал. Пальцы выбивали дробь по столу.

— Ты же понимаешь, — заговорил наконец Дронгрот, — я не могу просто сказать до встречи и помахать платочком. Дисциплина. Пример для остальных. Если каждый, потом решит, уйти?

Он осёкся, глядя куда-то поверх плеча Мора.

— Десять розог. При всём полку. И утром ты исчезнешь, Мордвинг. Ты сбежал. Понял?

— Да, я вас понял.

Возвращаясь в палатку после разговора, Мор не думал о розгах. Была лишь благодарность к воеводе. "Матушку увижу. Столько лет не виделись", — Он уже представлял, как вернётся в Ляхву.

В палатке Мор принялся собирать вещи. Завтра утром он уходит.

Взял меч Курьема и ударом плашмя сломал лезвие о валун у палатки. Старая традиция: из мечей павших воинов родня делает алтарь, ломая клинок пополам — чтобы на том свете воину больше не пришлось брать меч в руки. Сломанный меч Мор закинул в мешок, где лежали ещё четыре таких же. На гарде каждого выцарапано имя владельца. "Родным отвезу", — думал Мор, затягивая мешок.

У самого Мора вещей было немного — он не был склонен к накоплению. Многие дружинники после боя занимались

мародёрством, это нормально: жить за что-то нужно. Многие только ради этого в дружину и идут. Мор, в свою очередь, к такому склонен не был. Бывало, брал вещи поверженных врагов, но только монеты. Вкупе с вещами павших друзей и своими набралось пять тысяч ладинов — монет княжества. Сумма не маленькая, но для восьми лет службы — мелочь.

Конь по имени Зубрёнок, красивый, статный, мощный, со скверным характером — чужаков не любил, мог лягнуть. Достался от Курьема: тот все накопления потратил на коня. И он того стоил.

Меч, копьё, щит Курьема. Пара книг с былинами. Пять сломанных мечей. Походная одежда. Просторная палатка с походной утварью.

Перед тем как ложиться спать, Мор взял ботинки Курьема и пошёл в палатку Хропа. Тот, изрядно напившись, спал со спущенными штанами, в странной скрюченной позе. Мор не стал его будить — лишь поставил ботинки у входа в палатку.

Кольчугу Курьема он отдал первому попавшемуся на глаза дружиннику, который ещё не свалился от вечерней попойки.

Утром Дронгрот собрал весь полк перед своим шатром и начал речь:\

— Дружина! Внимание! Вы — меч и щит Ряххрустально-го. Каждый из вас давал клятву, присягая князю Громвиду Ладину. Каждый клялся отдать жизнь в услужение ему. — Воевода обвёл строй тяжёлым взглядом и выдержал паузу.

— Но не все оказались столь преданы слову.

Он достал меч из ножен и указал им на Мора:

— Мордвинг. Выйти из строя. Ко мне.

Мор, не поднимая глаз, молча шагнул вперёд и встал рядом с воеводой. Дронгрот опустил клинок и продолжил, обращаясь к строю:

— Смотрите на него. Смотрите без капли сочувствия. Мордвинг в наших рядах очень давно, но это его не оправдывает. — Он повернулся к Морю. — Ты заявил, что хочешь покинуть дружину. Я верно говорю, Мордвинг?

Мор поднял голову и громко, так, чтобы слышали все, ответил:

— Да. Это правда.

Дронгрот резко развернулся к дружине и протянул руку. Приблизённый тут же вложил в неё тонкий длинный прут орешника.

— За такое нахальство, за оскорбление клятвы, десять ударов, я лично исполню наказание. Мордвинг, сними кольчугу.

Мор стянул верхнюю одежду, аккуратно сложил кольчугу у ног и опустился на колени лицом к строю. Утренний холод пронизывал кожу, но он не вздрогнул.

Дронгрот замахнулся. Свист рассёк воздух. Первый удар лёг поперёк спины, оставляя вспухшую багровую полосу. Мор стиснул зубы и не издал ни звука.

Дружина молча наблюдала. Мордвинга знали многие —

он был одним из немногих, кто остался в живых из первого набора «Кабаньей дюжины».

Где-то в задних рядах новобранцы попытались выкрикнуть ругательство в сторону Мора, но ветераны отряда быстро присекли все попытки.

Четвёртый удар. Спина Мора уже кровоточила — розга рассекла кожу в нескольких местах. Воевода не щадил: каждый удар был полной силы. Мор держался. Лишь кровь от прикушенной губы выдавала боль.

Пятый. Шестой.

На седьмом ударе Мор не выдержал — сквозь стиснутые зубы вырвался глухой, хриплый крик. Тело качнулось вперёд, но он удержался на коленях.

Восьмой удар. Мор рухнул лицом в землю — сил стоять не осталось. Из глубины строя донеслись приглушённые голоса:

— Хватит уже...

— Довольно с него.

Дронгрот будто не слышал. Два последних удара он нанёс по лежащему, но заметно слабее — он делал это нехотя, но устав требовал.

Закончив, он бросил розгу на землю и обратился к строю:

— Запомните. Так будет с каждым. Плевать на заслуги.

Плевать на годы, проведённые в дружине. Все равны перед клятвой. — Он помолчал. — Представление окончено. Собирайте лагерь. Сегодня выступаем в сторону Альтреда.

Толпа вяло начала расходиться. Мор лежал на земле, не

в силах подняться. Ему хотели помочь, но боялись. Помочь дезертиру при всём полку означало разделить с ним вину.

Дронгрот на мгновение задержался возле Мора. Наклонился, поправил плащ и тихо, так, чтобы слышал только он, сказал:

— Прости. И удачи тебе.

Через десять минут Мор, преодолевая боль, смог встать. Шатаясь, он подобрал кольчугу и пошёл к своей палатке. На него старались не смотреть, и он это понимал.

В палатке лёг на живот и пролежал до ухода полка. Спина ныла, корки на ранах трескались при малейшем движении, текла кровь. Мор достал дорожник из походной сумки. Разжевал листья в пасту, нанёс на рану. Разорвал старую рубаху на лоскуты и туго перевязал спину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.